

РИС. 1.—РАМКА СТРАНИЦЫ ИЗЪ ОДНОЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ РУКОПИСИ.

галось ли оно къ живописи, или къ политикѣ, возбуждало безотрадное представленіе: вошло въ привычку обозначать этимъ словомъ искусство, создававшее только безобразные, неизящные произведенія,—искусство, которое, съ самаго рожденія своего, было осуждено на неподвижность и не могло ни идти впередъ, ни видоизмѣняться.

Позднѣе, даже тѣ, которые брали подъ свою защиту этого несчастнаго кліента, перѣдко, въ избыткѣ усердія, причиняли ему вредъ. Прежде чѣмъ съ точностью опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами: «византійское искусство», чрезчуръ усердные его панегиристы указывали на слѣды его вліянія почти во всѣхъ странахъ и во всѣхъ памятникахъ Запада. Переставъ быть прилагательнымъ уничижительнымъ, эпитетъ: «византійскій», получилъ слишкомъ смутное и, въ особенности, слишкомъ растяжимое значеніе. Каждый сталъ считать себя въ правѣ употреблять этотъ эпитетъ, какъ ему вздумается. Такимъ образомъ, его пристегивали чуть-ли не къ половинѣ средневѣковыхъ произведеній, а что касается до памятниковъ другаго времени, то и въ нихъ видѣли, по меньшей мѣрѣ, отраженіе уроковъ греческихъ мастеровъ и, прибѣгая къ разнаго рода натяжкамъ, дѣлали ихъ вассалами Византіи.

Подобная замашка, усиливаясь, вызвала противодѣйствіе себѣ. Во Франціи, Италіи и Германіи,истики искусства стали утверждать, что, даже въ XII и XIII вѣкахъ, на Западѣ были свои, туземныя художественныя школы, существованіе которыхъ нельзя не признать. Эта новая реакція сильна, порою чрезмерна. Такъ, въ Италіи мы встрѣчаемъ ученыхъ,

непризнающихъ византійскаго вліянія рѣшительно нигдѣ и ни въ чемъ; нѣкоторые изъ нихъ, плохо знакомые съ исторіею и памятниками Востока, ставятъ въ заслугу итальянцамъ то, что они, будто-бы, въ IV столѣтіи, принесли туда начатки искусства, развившагося тамъ впослѣдствіи.

Вещь замѣчательная: какъ порицатели, такъ и хвалители византійскаго искусства, нерѣдко поступали одинаково; многіе, прежде чѣмъ говорить объ его отношеніяхъ къ художествамъ другихъ странъ, не давали себѣ труда изучить это искусство на мѣстѣ, по самымъ его памятникамъ. Этой-то задачѣ посвящается настоящая книга, въ которой мы не будемъ вдаваться въ опасныя препирательства, а займемся преимущественно тѣмъ, что происходило на Востокѣ. Но такъ какъ исторію вліяній, распространившихся оттуда на Западъ, было бы трудно оставить совсѣмъ въ сторонѣ, то этотъ предметъ излагается вкратцѣ, въ послѣднихъ главахъ сочиненія. Быть можетъ, было бы лучше устранить слово: «византійскій», какъ неточное и такое, которымъ столь много злоупотребляли, и, вмѣсто византійскаго искусства, говорить о новогреческомъ, или о средневѣковомъ греческомъ искусствѣ; но мы сочли безполезнымъ идти наперекоръ установившемуся обычаю, тѣмъ болѣе, что слова имѣютъ значеніе не столько сами по себѣ, сколько по тому смыслу, который имъ дается.

Изъ нѣкоторыхъ эпохъ, памятники (рѣзба изъ кости, рукописи съ миниатюрами, эмали и т. п.) дошли до насъ въ большемъ количествѣ. Мнѣ пришлось сдѣлать весьма ограниченную выборку и удовольствоваться, для каждой категоріи памятниковъ, лишь немногими

образцами. Тѣ изъ моихъ читателей, которымъ извѣстны богатства общественныхъ и частныхъ коллекцій, легко поймутъ, что для того, чтобы дать общую идею о византійскомъ искусствѣ, прежде всего было необходимо не утомлять ума слишкомъ длинными перечисленіями.

Византійское искусство, служившее часто тѣмою пристрастныхъ сужденій, было, однако, въ послѣднее время предметомъ весьма дѣльныхъ ученыхъ работъ. Изъ числа общихъ сочиненій, изъ которыхъ я извлекалъ свѣдѣнія, не принимая, впрочемъ, заключеній ихъ авторовъ безъ разсужденія, упомяну труды французовъ Лабарта, Дидрона и де-Вогюэ, и нѣмцевъ Шназе, Ингеля и Зальценберга. Въ выноскахъ подъ страницами текста я указываю преимущественно на такія изданія, въ которыхъ особенно полезны таблицы рисунковъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

Византійское искусство до VI вѣка — Начало новаго стиля

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первобытное искусство на Востоцѣ—Основаніе Констан- тинополя и искусство при Константинѣ

Въ началѣ христіанской эры, на Востоцѣ, гдѣ господствовала греческая цивилизація, искусство давно уже находилось въ упадкѣ. Однако въ ту пору, когда римляне завладѣли восточными странами, тамъ процвѣтали и даже славились многочисленныя художественныя школы. Римъ обогатился образцами искусства, которыми переполнены были греческіе города, и множество художниковъ устремилось въ столицу міра. Въ ней произведенія ихъ раскупались на расхватъ, и многіе изъ артистовъ образовали учениковъ.

По части какъ искусства, такъ и словесности, вліяніе греческой культуры отразилось въ произведеніяхъ народа-побѣдителя. Изъ этого смѣшенія различныхъ элементовъ образовался новый стиль, который принято называть греко-римскимъ, и произведенія котораго мы

встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ Римской Имперіи. И на Востокѣ любовь къ искусству не исчезла еще окончательно; если въ средѣ художниковъ того времени уже не было людей первокласснаго таланта, отличавшихся высокимъ творчествомъ, то нерѣдко встрѣчались артисты, замѣчательные въ техническомъ отношеніи. Не смотря на опустошенія, сопровождавшія побѣды римлянъ, большіе эллинскіе города представляли собою какъ-бы богатые музеи, гдѣ, на ряду съ памятниками древняго, высоко-развитаго искусства, встрѣчалось немало произведеній новѣйшаго времени, несовершенныхъ и грубыхъ.

Въ эту-то эпоху развитія блестящей цивилизаціи явилось христіанство. Возникнувъ среди народа, недопускавшаго никакихъ лицевыхъ изображеній, новая религія, естественно, должна была враждебно отнестись къ искусству, служившему преимущественно къ олицетворенію олимпійскихъ боговъ въ самыхъ чувственныхъ и привлекательныхъ формахъ. Св. Апостолъ Павелъ, проповѣдуя Евангеліе въ Аѳинахъ, приходилъ въ негодованіе при видѣ чудныхъ статуй, со всѣхъ сторонъ представлявшихъ его взорамъ. Самые просвѣщенные отцы Церкви съ отвращеніемъ отзывались о скульптурѣ и живописи и считали произведенія ихъ причиною разврата; они презирали даже самаго Фидіа. Нѣкоторые изъ нихъ, въ своей ненависти къ тѣлесной красотѣ, дошли до того, что въ своихъ писаніяхъ проводили мысль, что Христу угодно было явиться среди людей въ самомъ непривлекательномъ и уничиженномъ видѣ. Однако искусство все-таки восторжествовало и мало-по-малу проникло въ христіанство. Преданіе было слишкомъ сильно; народное воображеніе, привыкшее

къ образамъ, захотѣло, наконецъ, воплотить въ живыя формы новое ученіе, свои вѣрованія, свои надежды.

Христіанское искусство народилось, по моему мнѣнію, на Востокѣ. Въ продолженіи многихъ вѣковъ, ученіе Христово распространялось въ греческой формѣ; даже въ Римѣ греческій языкъ былъ оффиціальнымъ языкомъ Церкви, языкомъ Евангелія и молитвъ; погречески писались надгробныя надписи. Вначалѣ, искусство лишь робко проявляло себя въ мистическихъ изображеніяхъ: рыба является какъ символъ Христа, голубь — какъ эмблема вѣрности. Позднѣе, дѣлаясь смѣлѣе, искусство рѣшилось олицетворить Спасителя подъ видомъ Добраго Пастыря и, наконецъ, воспроизвести въ образахъ нѣкоторые эпизоды священной исторіи. Тогда какъ въ Римѣ христіанскія катакомбы первыхъ вѣковъ доставили археологамъ и художникамъ массу матеріала по части живописи и скульптуры, на Востокѣ находки до сей поры были ничтожны. Нѣсколько полустертыхъ фресокъ и изуродованныхъ скульптурныхъ фрагментовъ—вотъ все, что мы находимъ тамъ. Между тѣмъ, есть сильный поводъ предполагать, что христіанское искусство началось именно на Востокѣ. Не съ Востока ли христіанскій Римъ заимствовалъ архитектурическія формы своихъ подземныхъ кладбищъ?

Необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя характерныя черты нарождавшагося искусства. На всемъ обширномъ пространствѣ Имперіи оно представлялось почти въ одинаковыхъ формахъ; какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, одинаковые сюжеты трактовались совершенно одинаково. Это сходство изображеній зависѣло не отъ постановленій духовенства, но отъ естествен-

ной общности чувствъ и вдохновенія. Между всѣми событіями священной исторіи, мистическій смыслъ которыхъ разъясняли вѣрующимъ духовные пастыри, больше всего привлекали художника, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, такія, которыя носили характеръ кротости и были ближе его душѣ, какъ напр. чудеса Іисуса Христа. Художникъ избѣгалъ изображать трагическія сцены страстей Христовыхъ, или сцены гоненій, которымъ подвергалась новая религія. Будучи готовы понести мученіе за Христа, вѣрующіе предпочитали, однако, менѣе грустныя изображенія и особенно любили воспроизводить свои вѣрованія и надежды. Оттого такъ поражаютъ васъ, въ этихъ несовершенныхъ произведеніяхъ, трогательная простота и глубокая прелесть, проникающія въ вашу душу. Въ этихъ изображеніяхъ очень часто встрѣчаются мотивы, заимствованные изъ природы. Въ римскихъ катакомбахъ безпрестанно попадаются изображенія цвѣтовъ и деревьевъ; то же самое мы видимъ и на Востокѣ, гдѣ царство небесное изображалось въ видѣ большого сада, полного тѣнистыхъ уголковъ и живыхъ источниковъ. «Введи ихъ, Господи — говорится о мертвыхъ въ александрійской литургіи, — въ мѣсто злачное, на воды покоя, въ рай радости, гдѣ нѣтъ ни боѣзни, ни печали, ни воздыханій», и эти поэтическіе образы являются воспроизведенными въ Александріи на одной изъ немногихъ сохранившихся на Востокѣ христіанскихъ фресокъ этой эпохи: художникъ, представивъ «Умноженіе хлѣбовъ», помѣстилъ свои дѣйствующія лица въ тѣни деревьевъ, въ позахъ, полныхъ натуральности: они вкушаютъ пищу подъ покровительствомъ Христа, и трудно при-

думать что-либо болѣе простое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе граціозное, чѣмъ эта сельская трапеза.

Первохристіанское искусство произошло отъ античнаго даже въ отношеніи формы. Если художникъ, свѣдующій по части стиля, но мало-опытный въ истолкованіи сюжетовъ, взглянетъ на тотъ или другой древнехристіанскій памятникъ, весьма часто онъ не догадается, что предъ нимъ — продуктъ новаго искусства: приемы исполненія нисколько не отличаются отъ тѣхъ, какіе мы наблюдаемъ въ языческихъ памятникахъ того времени. Всѣ эти художники, были ли они язычники, или же христіане, принадлежали къ одной и той же школѣ; они различались религіозными убѣжденіями, но не стилемъ. Перерожденіе послѣдняго могло произойти только въ послѣдствіи, и на Востокъ византійское искусство еще долго оставалось вѣрно античной традиціи.

Въ началѣ IV-го вѣка, при Константинѣ, въ исторіи христіанства произошло великое событіе: новая религія, преслѣдуемая еще наканунѣ, вдругъ приобрѣла себѣ благоволеніе императора. Это событіе должно было имѣть огромное вліяніе на развитіе христіанскаго искусства, которое, съ той поры, стало распускаться на свободѣ, у всѣхъ на глазахъ, въ новыхъ и болѣе роскошныхъ формахъ. Повсюду стали воздвигаться храмы. «Въ каждомъ городѣ—пишетъ тогдашній историкъ Церкви, Евсей, — происходили торжества освященія церквей и новопостроенныхъ молеленъ. Подобные случаи давали поводъ епископамъ собираться вмѣстѣ, а богомольцамъ стекаться изъ отдаленныхъ краевъ; тогда проявлялась любовь одного народа къ другому». Этимъ движеніемъ руководилъ самъ Константинъ, раскрывшій христіанамъ, для сооруженія

молитвенныхъ зданій, сокровищницу государственной казны.

Писатели разсматриваемой эпохи упоминаютъ о мно-

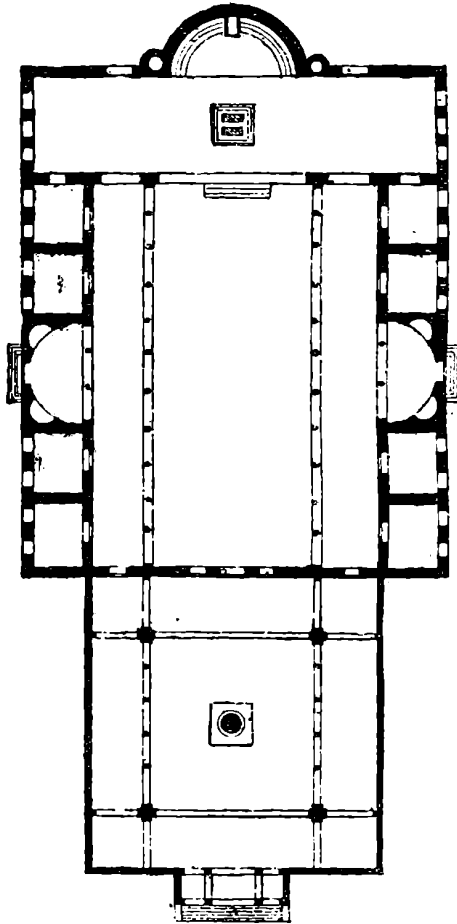

РИС. 2. — ПЛАНЪ ХРИСТИАНСКОЙ
БАЗИЛИКИ.

жествѣ храмовъ, построенныхъ тогда на Востоку¹⁾. Зданія эти, получившія названіе базиликъ, своимъ расположеніемъ дѣйствительно до нѣкоторой степени напоминаютъ планъ языческихъ базиликъ. При входѣ въ древнехристианскую базилику находился внѣшній портикъ. Черезъ него вступали на большой четырехугольный дворъ—*атрій*, со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженный крытою галереею и въ срединѣ снабженный колодцемъ, служившимъ для священныхъ омовеній. Самый храмъ, въ который велъ изъ атрія три двери, раз-

¹⁾ См. Чампини, *De sacris aedificiis a Constantino Magno constructis*, Римъ, 1693; Гюбша, во фр. перев. Гюрбера, *Monuments de l'architecture chrétienne depuis Constantin jusqu'à Charlemagne*, Парижъ, 1866; де-Вогюэ *Les églises de Terre Sainte*, 1860, и пр.